

В седьмой день седьмого месяца Шанцзин пал, и монгольская армия уничтожила около десяти тысяч семей в городе.

В седьмой день седьмого месяца подкрепления Чэнь и Ляо вели отчаянную битву в городе с юаньцами, и после волн атак со стороны армии Угэдэя ханьские войска потеряли своего главнокомандующего, и им осталось лишь отступить. Однако ханьская армия уже приняла решение сжечь за собой мост и сражаться до смерти, наполняя город своей плотью и кровью.

Спустя день ханьская армия отбила у врага тело своего полководца, и сорок тысяч человек снова ворвались в город в приступе ни с чем не сравнимой скорби.

Почти сровненный с землей в результате страшной битвы Шанцзин представлял собой опустошающую картину. Двадцать тысяч семей погибли либо от огня по своим, либо под оружием монгольских солдат.

Прошел еще один день, и киданьское подкрепление, прибывшее из Чжунцзина, наконец-то присоединилось к остальным своим товарищам, а разбитая монгольская армия рассеялась в северных степях. Киданьское войско в ярости преследовало их на протяжении восьмидесяти ли, но затем Угэдэй перегруппировал свои силы и начал контратаку. Две стороны сошлись в решающей битве на оленьих полях, и пустошь была усеяна трупами. Еще не приходилось видеть более жуткого зрелища.

Эта затяжная битва длилась почти две недели. По всей границе от столицы до западных горных хребтов Сянбэй большинство жителей севера покинули свои дома. В хаосе войны большинство домов сгорело дотла.

В ночь праздника Двойной семерки, когда весь город пал перед врагом, обитатели Калины бежали через тайный ход под городом. Дуань Лин, задыхаясь, шел впереди группы, неся на спине девушку.

— Ваше Высочество, вы ранены, вы не можете...

— К чему формальности вроде «Ваше Высочество» в такое-то время? — произнес Дуань Лин.

Он был весь в крови и не знал, кровь ли это с его собственных ран или девушки на его спине. Ближе к рассвету, в конце прохода, они услышали шум, доносящийся сквозь доски над ними.

Мимо проходил один отряд, затем другой, и каждый шаг сопровождался звуками выпускаемых стрел и жалобными криками.

Они с тревогой вытянули шеи, наблюдая за деревянными настилами над головой. Сквозь щели между досками пробивался дневной свет, и на них капала кровь.

Сюн Чунь указала на них пальцем, а Дуань Лин помахал ей рукой, выводя слова, — монгольские солдаты.

Он ждал, пока все стихнет, и оттолкнул доску, чтобы выйти наружу.

Куда бы они ни посмотрели, везде лежали тела ханьских солдат. На небе брезжил рассвет, и во всех направлениях были видны языки пламени. Дуань Лин опустил на землю девушку, которую нес, и проверил ее дыхание.

Она уже в какой-то момент умерла.

— Она мертва, — сказала Сюн Чунь.

— Как ее звали? — спросил Дуань Лин.

— Цю Цзинь. Пойдем.

Дуань Лин отпустил ее руку. Монгольский солдат ударил Цю Цзинь по лопатке, оставив рану глубиной в два цуня. Перед смертью она крепко зажмурила глаза, а ее лицо было бледным. В ее выражении виднелось облегчение, а также своего рода освобождение.

Дуань Лин взглянул на Сюн Чунь. В их отряде осталось меньше двадцати человек. Сюн Чунь сказала:

— Если мы пойдем вдоль задней части штаба городской стражи, то найдем небольшую тропинку, которая выходит за пределы города. Пойдемте.

Рану на спине Дуань Лина перевязали, но она все еще кровоточила. Он много раз колебался, зная, что его отец уже вошел в город, но из-за всего этого хаоса они понятия не имели, где находится армия Чэнь. Сюн Чунь настоятельно советовала ему позаботиться о своей безопасности и не спешить возвращаться назад.

Они только что вышли на небольшую тропинку рядом со штабом городской стражи, как вдруг монгольские солдаты начали обстреливать их из луков. Сюн Чунь прокричала:

— Назад!

Отряд монгольской армии явно поджидал здесь некоторое время, надеясь устроить засаду для киданьских солдат, но они и представить себе не могли, что вместо них встретятся с людьми, бегущими из города. Группа Дуань Лина пыталась найти укрытие, одновременно отбиваясь от стрел, и в мгновение ока еще двое из них оказались мертвы. Дуань Лин прикрывал остальных, выпуская стрелы в солдат, а Сюн Чунь с яростным ревом бросилась вперед, в два шага

прыгнула на возвышенность и заколола лучника, пока Дуань Лин продолжал выпускать стрелы вслед за ней. Позади раздались удивленные возгласы — к ним пробрались монгольские солдаты!

— Вперед! — крикнула Сюн Чунь.

Солдат становилось все больше и больше. Дуань Лин вел свою группу вглубь штаба городской стражи, и вдруг дверь с громким стуком распахнулась, и кто-то ворвался в нее, целясь в него из лука. Он сразу же узнал в лучнике Цай Яня.

Цай Янь тут же выпустил стрелу в его сторону. Дуань Лин подсознательно встал на ноги, и она пролетела мимо его плеча, попадая в скачущего навстречу монгольского солдата.

— Идем со мной! — прокричал Цай Янь.

Не успел Дуань Лин поговорить с ним о разлуке, как Цай Янь уже силой потащил его прочь. Сюн Чунь держала в левой руке Чжанышаньхай, а в правой — длинный меч, который она отобрала у солдата, и, орудуя двумя оружиями, развернулась и преградила путь десяткам монгольских солдат, преследующих их, крича:

— Я прикрою вас. Быстрее уходите из города!

Дуань Лин только собирался заговорить, но Цай Янь уже потащил его к небольшой тропинке за зданием городской стражи.

Каждый из них запыхался, а Цай Янь был ранен в ногу. Они свернули за угол по горной тропе за зданием и, спускаясь по веревке, наконец-то покинули город.

— Что ты там делал? — спросил Дуань Лин.

— Монголы ворвались в город. Я не мог больше сидеть дома, поэтому решил пойти подежурить у здания городской стражи и убить как можно больше, — произнес Цай Янь, тяжело дыша. — Почему ты... говорят, что ханьская армия уже здесь, они могут даже победить, а ты...

Дуань Лин посмотрел на Цай Яня, и они долго молчали. Ни один из них больше ничего не говорил, и в итоге Цай Янь не выложил всю правду.

Громкий удар вдалеке испугал их обоих. Это был звук рухнувших северных ворот.

Красное платье Сюн Чунь развевалось на крыше здания городской стражи, а монгольская армия, как саранча, вливалась в город по улицам северного района.

— Пойдемте, — сказал Дуань Лин.

Цай Янь и Дуань Лин пересчитали людей. К этому моменту, кроме них двоих, от их отряда осталось всего девять человек.

Но куда они пойдут? В горы Сянбэй? На каждом пути их подстерегала опасность: на юге на поле боя сражалось более ста тысяч воинов, и прежде чем они успеют пробраться через него, их перебьют шальными стрелами. Дороги на востоке и западе были заполнены дезертирами.

— Давайте пока двигаться на север, — сказал Дуань Лин, — мы спрячемся на время в горах.

Монгольских солдат становилось все больше и больше, они прочесывали северный район, расстреливая всех, кто еще был жив.

Они бежали по глуши, скрываясь в пшеничных полях под открытым небом. Раньше Ли Цзяньхун учил его, что при побеге с поля боя существует множество потенциальных опасностей — нельзя расслабляться ни на секунду, потому что невозможно предугадать, когда тебя обнаружит какой-нибудь дезертир.

По сравнению с обычными солдатами дезертиры еще опаснее. Они боятся, что на них донесут в армию, а так как дезертирство карается смертью, то они совсем не ведают страха.

Большую часть дня они шли по пшеничным полям. Солнце висело высоко над головой, и у Дуань Лина от него кружилась голова. Рана за плечом болела, беспокоя его резкой болью, а из-за отсутствия припарки у него поднялась высокая температура. Он продолжал идти, преодолевая головокружение, и наконец упал на землю. Цай Янь воскликнул:

— Дуань Лин!

Измотанные и измученные, несколько женщин заблудились в пшеничных полях. Цай Янь нес Дуань Лина на спине, чтобы найти место для отдыха, а некоторые из них вернулись на поиски своих потерявшихся спутниц.

— Монголы здесь! — крик, казалось, разрывал небо. — Бегите!

Девушки из Калины владели боевыми искусствами и могли сдерживать их некоторое время, но монголы все были верхом на скачущих лошадях, в отличной форме, хорошо отдохнувшие и готовые преследовать своего усталого врага. Во время побега женщины были явно измотаны, и им было слишком тяжело справляться со стрелами, саблями и лассо. Услышав о появлении солдат, они решили расстаться с Дуань Лином и Цай Янем, взывая к ним:

— Оставьте нас, мы догоним!

Цай Янь испустил болезненный крик и уже собирался достать свою саблю, чтобы сразиться с ними, как вдруг Дин Чжи схватила его за воротник и потащила назад.

— Если бы твой брат был жив, — холодно произнесла Дин Чжи, глядя в его глаза, — он никогда бы не пожелал тебе умереть здесь.

Цай Янь несколько раз тяжело вздохнул, и Дин Чжи сказала:

— Вперед!

Цай Янь снова посадил Дуань Лина на спину и вместе с Дин Чжи побежал вглубь пшеничных полей.

Издали доносились крики: в кого-то стреляли, и Дин Чжи то и дело оглядывалась, подавляя желание вернуться и спасти их.

Дуань Лин в оцепенении качался на спине Цай Яня, а Дин Чжи прикрывала их до самого берега озера в самом конце полей. Там стояла небольшая лодка и маленький сарайчик.

— Идите по краю озера на юго-восток, — сказала Дин Чжи. — В горах вы будете в безопасности.

Она отвязала веревку от причала. Вдалеке монгольские воины жаждали крови и уже догоняли их с кнутом и шпорами.

Цай Янь усадил Дуань Лина в лодку, но Дин Чжи оттащила ее назад и спрятала в зарослях.

— Не выходите, — Дин Чжи говорила так тихо, что он едва ее слышал. — Не выходите, что бы ни случилось...

Цай Янь молча смотрел на нее.

Дин Чжи и Цай Янь встретились взглядами, и через мгновение выражение ее лица потеплело от нежной улыбки. Она протянула руку и провела пальцами по щеке Цай Яня.

— Нет...

Его глаза наполнились слезами, но Дин Чжи закрыла ему рот рукой и заставила лечь рядом с Дуань Лином. Затем она развернулась и, спрятав кинжал в руке, побежала к дому. Вскоре монгольские солдаты начали издавать один за другим жалобные вопли, и позднее все внезапно стихло.

Крик Дин Чжи прорезал тишину.

Глаза Дуань Лина яростно распахнулись, зрачки были полны страха. Он хотел встать, но Цай Янь крепко держал его. Прошло много времени, и Дин Чжи больше не было слышно. Монгольские воины на своих лошадях рыскали взад-вперед по берегу, но нашли лишь обрезанную соломенную веревку. Громко крича и ругаясь, они продолжили поиски вдоль кромки озера.

Вокруг них простирались тростниковые болота, в воздухе витали их ватные цветы. Когда садилось солнце, поверхность пруда отражала яркий кроваво-красный цвет сумерек, сверкающий и кристаллический.

Небо было таким синим, что казалось выстиранным, а воздух был наполнен ароматом сушеной травы. Белые облака проплывали мимо, и небо над головой простиралось в бесконечность. В воде из тела Дин Чжи сочилась свежая кровь, клубясь, как дым, волосы были распущены, тело обнажено, глаза открыты, а в зрачках отражалось бескрайнее небо, которое можно было увидеть только за Великой стеной в осенний день.

День спустя.

— Выпей воды, — мягко сказал Цай Янь.

Дуань Лин проснулся, дрожа от непрекращающегося кашля, и понял, что находится в комнате. Цай Янь накормил его травяными сборами, а затем размотал бинты, чтобы обработать его раны.

— Что это за место?

— Деревня, — коротко ответил Цай Янь. — Аптекарьская деревня. Три дня пути.

Это поселение находилось на юго-восточном склоне гор Сянбэй. Здесь жило более десяти семей, и уже несколько поколений они зарабатывали на жизнь сбором лекарственных трав.

Дуань Лин выпил отвар и почувствовал себя немного лучше. Заметив взгляд Цай Яня, он спросил:

— Где они?

— Заблудились по дороге, — ответил Цай Янь.

После полудня, рассеивая солнечный свет, осенний ветер принес к ним бесчисленное количество шелестящих на оконных стеклах листьев. Под палящим солнцем воздух был прохладным и сухим, как в несбыточном сне. Дуань Лин тяжело вздохнул и снова лег на кровать.

— Есть какие-нибудь новости о моем отце? — Дуань Лин с усилием поднялся с кровати.

— Не знаю. У меня не было возможности спросить. Где есть жизнь, там есть и надежда.

Дуань Лин встретил взгляд Цай Яня, и тот сказал ему:

— Сначала поправься, а потом придумаем, как вернуться на юг. Ты вернешься в Сычуань, а я — в Чжунцзин.

Дуань Лин восстанавливался еще некоторое время и уже мог вставать с кровати и ходить. Потрогав грудь, он понял, что нефритовая дуга исчезла.

Цай Янь сидел за дверью, не шевелясь.

Проклятье — выругался про себя Дуань Лин. Куда она подевалась? Если они наткнутся на подкрепление Чэнь, ему понадобится его удостоверение личности. Он оглядел себя со всех сторон, но в конце концов так и не нашел нефритовой дуги.

— Это то, что ты искал? — достал нефритовую дугу и сказал Дуань Лину Цай Янь.

— Спасибо.

Дуань Лин почувствовал, что с его плеч свалилась огромная тяжесть, и снова надел ее.

— У меня еще есть твой меч, но, к сожалению, ножны пропали.

— Это неважно.

На самом деле Дуань Лин не так уж и был привязан к мечу. Он некоторое время наблюдал за Цай Янем и вдруг опустился перед ним на колени.

Тот тут же протянул руку, чтобы помочь ему подняться.

— Не делай этого! Ты же наследный принц!

— Спасибо, что спас мне жизнь.

— Твой отец обучил меня боевым искусствам, чтобы я мог защитить тебя. Мы все готовы расстаться с жизнью, и не из-за каких-то личных чувств, а из-за твоей...

Дуань Лин долго молчал, и Цай Янь на мгновение потерялся в догадках. Наконец, он сказал:

— Личности.

Дуань Лин кивнул ему и вздохнул.

Через некоторое время кто-то вернулся в деревню, и Цай Янь вышел на улицу, чтобы спросить о военной ситуации. Ему сообщили, что прибыло подкрепление Ляо, и хотя Шанцзин был разрушен и изувечен, он наконец-то вернулся под контроль Ляо. А вот куда делась монгольская армия — он понятия не имел.

— Где армия империи Чэнь? — спросил Цай Янь.

— Они уже вернулись домой, — ответил старый посетитель. — Все разъехались — сначала Великая Юй, потом Великая Ся, снова Великая Чэнь, потом Великая Ляо... Мир постоянно меняется, как только кто-то заканчивает петь, на сцену выходит другой...

Они ушли? Дуань Лин подумал про себя: раз отец его не нашел, значит, он ушел. Это хорошо. Иначе было бы слишком опасно. Но действительно ли он ушел? Возможно, отец все еще искал его.

Этой ночью Дуань Лин сидел перед дверью, обхватив руками колени, смотрел на осеннее небо, усыпанное звездами, и не мог не думать о своем отце.

Он, наверное, сейчас очень волнуется, но что еще мог сделать Дуань Лин? Попытаться выйти на улицу? Он не мог этого сделать. Если он наткнется на главную армию монголов, то окажется в еще большей опасности. Угэдэй был разбит, и ему придется убивать и мародерствовать на всем обратном пути.

Мир мог переживать взлеты и падения, облака могли бесчисленное количество раз менять свои форму, но все потрясения в мире смертных казались невероятно далекими, когда они находились глубоко в горах, в деревне, столь удаленной от остального мира. Однажды Дуань Лин услышал от отца, что, когда тот был в бегах, он прятался глубоко в горах Сянбэй, в доме Лан Цзюнься. Должно быть, он чувствовал то же самое, что и Дуань Лин сейчас.

— Поспи немного. На улице холодно, — сказал Цай Янь. — Там такие страшные бои, кто знает, сколько сотен тысяч погибло, но все в этой деревне ведут себя так, будто их это не касается.

Дуань Лин ответил:

— Обычные люди все такие.

Он уже собирался вернуться в дом, как вдруг услышал вопль, доносящийся с большого расстояния.

Крик встревожил всю деревню, и вскоре раздался тяжелый топот скачущих лошадей; он так привык к этому звуку, что привычнее быть не могло, и Дуань Лин тут же опустился на землю, прижав ухо к земле. Вдалеке разносился волна за волной стук копыт — похоже, около тысячи человек.

— Монгольская армия здесь!

Тем временем Лан Цзюнься направлял Вань Ли Бэнь Сяо и остановился у края озера. В ночном полумраке плескалась вода, он выловил из озера тело Дин Чжи и отложил его в сторону. Оглядевшись по сторонам, он свистнул и снова сел на коня, чтобы продолжить путь к горам Сянбэй.

Прежде чем Дуань Лин успел решить с Цай Янем, что им делать, монгольские солдаты уже ворвались в деревню, бросая факелы, чтобы поджечь крыши, и убивая жителей своими стрелами. Уже стояла глубокая ночь, и многие из бедных обитателей деревни еще спали глубоким сном, не понимая, что произошло. Некоторые из них выбежали на улицу, охваченные пламенем, но в итоге были затоптаны насмерть скачущими лошадьми.

Солдаты со смехом обращались с живыми людьми, как с игрушками, выбивая одну за другой двери домов и выпуская одну за другой стрелы в поисках жен и детей аптекарей. Но когда один из них добрался до дома, Дуань Лин, прятавшийся за дверью, ударил его ножом в горло, и воин упал на колени, дрожа от страха.

Дуань Лин затащил его в дом и вместе с Цай Янем выглянул наружу. За окном было видно, что солдат становилось все больше и больше. Похоже, они решили использовать это место в качестве базы.

— Мы должны бежать, — сказал Дуань Лин. — Это все остатки основной части их войск, и их будет только больше. Если мы задержимся здесь, будет слишком поздно!

Цай Янь глубоко вздохнул, глядя на него, и уже собирался сказать, что прикроет побег Дуань Лина, как вдруг тот схватил его за запястье и медленно покачал головой.

Цай Янь понял, что имел в виду Дуань Лин: он больше не хотел, чтобы кто-то жертвовал собой

ради него. Даже если он умрет, они умрут вместе. Не став больше ждать, они выпрыгнули через заднее окно, стараясь не шуметь.

Как только они покинули деревню, их обнаружил новоприбывший монгольский солдат, и выпустил в них две стрелы, но им удалось увернуться от обеих. Воин пришпорил коня и с недоумением посмотрел им вслед, но вместо того, чтобы преследовать их, повернулся и въехал в деревню.

Сердце Дуань Лина колотилось в груди. Цай Янь только успел подумать, что им удалось избежать катастрофы, как позади них раздались крики. Вдвоем они с тревогой воскликнули и побежали в лес.

— Быстрее! — прокричал Цай Янь.

Солдаты весело смеялись — они явно считали местных жителей, бегущих из этого места, добычей, и мчались к ним со всей возможной скоростью, словно соревнуясь, кто из них первым догонит свою жертву. В кромешной тьме ночи Дуань Лин понял, что оказался на грани жизни и смерти: если он не успеет убежать в этот раз, его ждет только смерть.

Он не произносил ни звука, таща Цай Яня в темноту. Местность вокруг гор Сянбэй была очень сложной, и никто из них никогда не бывал здесь раньше, поэтому они не имели ни малейшего представления о том, что их ждет. Кусты и заросли покрывали их ссадинами, но они не смели останавливаться: из-за сложного рельефа они в любой момент могли сойти с твердой почвы и упасть в бездонную пропасть. В темноте деревья казались призрачными тенями.

Я не могу умереть... Мой отец все еще ждет меня...

Только об этом и думал Дуань Лин, изо всех сил рванувшись вперед.

Но тут сзади к нему полетело лассо и внезапно обвилось вокруг шеи.

— Беги! — это последнее, что Дуань Лин успел произнести так громко, как только мог.

Цай Янь обернулся, желая спасти его, но Дуань Лина утащили так быстро, что его подбросило в воздух, и он приземлился за кустарником.

Солдаты разразились веселым хохотом и поволокли его вниз по склону. Дуань Лин бился о камни и кустарники, а его руки беспрестанно цеплялись за затягивающуюся веревку на шее.

Воины тащили его на себе до самой аптекарской деревни. Дуань Лин был весь в порезах и синяках, и ему казалось, что шея вот-вот сломается. Сразу после того, как солдаты вернули его, они несколько раз непристойно засмеялись, а затем начали разговаривать друг с другом. Рука подняла его за волосы, и кинжал просунулся под тугую веревку на шее, перерезая ее.

Дуань Лин упал на колени, делая огромные вдохи, переходящие в сухие хрипы.

Солдат подхватил его и быстро стянул с него халат. Разорвав нижнюю рубашку Дуань Лина, он прижался лицом к его груди, и нефритовая дуга небрежно сорвалась, упав на землю вместе с халатом.

Монгол вдруг показался растерянным, и вокруг него раздался смех — они только что поняли, что Дуань Лин — мужчина.

Теперь Дуань Лин осознал: солдаты приняли его и Цай Яня за молодую пару, бежавшую из деревни, поэтому хотели вернуть женщину, а что касалось мужчины, то о нем они не беспокоились.

Монгольский солдат нанес Дуань Лину безжалостную оплеуху, и от этого удара у него зазвенело в голове. Если у него хватит силы воли сопротивляться и схватить меч, висящий у пояса, он может в любой момент покончить с солдатом, но и его самого разъяренные воины превратят в решето.

Он не сопротивлялся и позволил им бить себя до тех пор, пока из уголка рта не потекла кровь, но его терпение вознаградило его самым подходящим моментом для сопротивления. Оставшись вдвоем, солдат затащил его в дом и начал грубо раздевать.

На кровати лежал труп. Солдат разделся догола прямо рядом с телом и стал срывать с Дуань Лина нижнее белье. Тот позволил ему делать все, что ему хотелось, пока воин не начал издавать зубами сосущие звуки и говорить что-то непонятное, и тогда Дуань Лин потянулся за костяным ножом, который спрятал в сапоге.

Солдат схватил его за волосы, внимательно изучая его лицо, а затем подошел ближе, чтобы поцеловать Дуань Лина, как будто он был девушкой, и Дуань Лин нанес ему удар ножом.

Это движение было предельно точно: лезвие вошло в плоть на шее солдата, глубоко погрузившись в гортань. Из горла воина вырвался булькающий звук, он поднес руку к шее, но не мог позвать на помощь. Тогда Дуань Лин свирепо крутанул его, и из раны брызнула кровь. Сразу после этого он осторожно уложил солдата на кровать. Снаружи люди пили и смеялись, воздух был наполнен бесконечным шумом веселья. Никто больше не собирался обращать на него внимание.

Он бесшумно выпрыгнул из окна в глубине комнаты и выбрался из деревни другим путем. Перед ним пролежала бездонная пропасть, и он мог сорваться вниз при одном неверном шаге. Делая маленькие шажки, он прижимался спиной к склону скалы, пока не дошел до точки, где два обрыва сходились ближе всего; на дне пропасти виднелась одна линия неба. Однако облака скрыли луну, и он не мог понять, что перед ним — заросли или скала, простирающаяся с другой стороны.

Я не могу умереть... Я не могу умереть.

Отец все еще ищет меня.

Дуань Лин вспоминал слова, которым его научил Ли Цзяньхун, и все его страхи разом исчезли, а затем он прыгнул через эту линию неба. И у него почти получилось. Нога соскользнула, он схватился за лозу на пути, и, когда он со всей силы потянулся вниз, надеясь подняться обратно, лоза с тихим треском разломилась.

Неровный каменистый склон оставил на его теле бесчисленные следы, и, крепко ухватившись за порванную лозу, Дуань Лин упал в темноту.

Пламя освещало почти все ночное небо. Заблудившись, Цай Янь пробирался по горной тропе, как вдруг услышал стук копыт и тут же отступил назад в лес.

Человек и лошадь рысью спускались по извилистой горной тропе. Мужчина остановил коня, достав меч, слез с нее и отправился на поиски в кусты.

Цай Янь изо всех сил старался не шуметь.

Мужчина внезапно напал. Цай Янь не успел отразить удар, и ладонь попала ему в грудь. Все органы словно поменялись местами, и меч оказался у него на шее.

— Дуань Лин? — это был голос Лан Цзюнься.

Цай Янь тут же ответил:

— Это я!

Вань Ли Бэнь Сяо пробирался по извилистым горным тропам, неся их двоих. Цай Янь закончил рассказывать Лан Цзюнься обо всем, что произошло, и тот ничего не говорил.

— Вы спустились с другой вершины горы, — сказал Лан Цзюнься. — Я знаю о деревне аптекарей. Пошел!

Прошло целых два часа, прежде чем Лан Цзюнься и Цай Янь добрались до поселения, но все вокруг уже было охвачено факелами и трещало от пламени. Монгольские солдаты уже ушли. Небо над головой тускло светилось первыми лучами солнца. Лан Цзюнься прокричал:

— Дуань Лин!

— Дуань Лин! — крикнул Цай Янь во всю мощь своих легких.

— Дуань Лин!

Голос Лан Цзюнься эхом разнесся по долине, и вскоре он начал бросаться в огонь. Вокруг воняло гарью, повсюду были обугленные черные трупы.

Огонь становился все сильнее, и Цай Янь воскликнул:

— Не ходи туда!

Лан Цзюнься закрыл нос и рот и устремился в горящую деревню, но вскоре споткнулся и вышел обратно. Цай Янь поспешно оттащил его в сторону.

Они прислонились к дереву на краю деревни, и Цай Янь разрыдался.

Лан Цзюнься оскалился:

— Клянись! Клянись! Это действительно было здесь!

Охваченный горем, Цай Янь ничего не произнес.

Лан Цзюнься еще некоторое время тяжело дышал, а затем поднялся на ноги. Он посмотрел на море пламени, в котором все превращалось в пепел.

— Почему ты не пришел раньше?! — злобно зарычал Цай Янь и подошел к Лан Цзюнься, чтобы толкнуть его.

Огонь все разрастался и разрастался, пока не охватил всю вершину горы. Они снова и снова отступали. Вскоре начался проливной дождь, который постепенно погасил все пламя, и на них обрушился оползень.

Лан Цзюнься зашел в деревню, которая была выжжена дотла.

Среди руин в центре поселения он нашел нефритовую дугу, сверкающую на солнце. Дождь вымыл ее дочиستا, и она выглядела совсем новой.

Опустившись на колени, он осмотрел каждое тело, трогал каждую кость руки, уже обугленную

огнем, чтобы убедиться, принадлежит ли она Дуань Лину.

— Как тебя зовут? — Цай Янь вновь обрел самообладание.

Лан Цзюнься ничего не ответил.

— Почему ты не пришел защитить его раньше?!

Лан Цзюнься ощупал развалины и нашел еще одну отрубленную, обугленную руку, пытаясь понять, принадлежат ли кости Дуань Лину.

Цай Янь собирался сказать что-то еще, но Лан Цзюнься развернулся и безжалостно ударил его в грудь. Цай Янь врезался в дерево и упал без сознания.

Он не знал, сколько времени прошло после того, как он очнулся. Когда он открыл глаза, Лан Цзюнься все еще осматривал деревню.

— Он уже мертв, — произнес Цай Янь. — Как бы ты ни сожалел, это бессмысленно.

Стоя на коленях в центре деревни, Лан Цзюнься в изнеможении упал головой в мутную воду.

Вода устремлялась вниз через овраг, разбиваясь о берег, и Дуань Лин проснулся.

Каждая часть его тела кровоточила. Несколько гиен наблюдали за ним издалека, а рядом стремительно текли горные ручьи. Дуань Лин с трудом поднялся на ноги, и, уклоняясь от взглядов зверей и спотыкаясь, побежал.

«Если ты умрешь...»

«Я знаю. Если я умру, ты тоже не выживешь.»

Дуань Лин не знал, где он находил силы, но, возможно, именно благодаря этим словам, снова и снова звучащим в его ушах, он из последних сил выбрался из оврага. В темноте ему удалось найти пещеру. Он заполз внутрь, лег и начал задыхаться.

У него снова начался жар. Лихорадка оставалась с ним весь день, но он чудом выкарабкался. Во сне ему постоянно слышались слова: «Если ты умрешь, отец тоже не будет жить», словно нежные губы Ли Цзяньхуна находились прямо у его уха, тихо подбадривая его: ты должен жить дальше.

Я не могу... Я не могу умереть здесь.

Когда Дуань Лин снова открыл глаза, в голове у него была только одна мысль — выжить.

У горного ручья он нашел несколько целебных трав и проглотил целиком, а затем сорвал кору и мох и съел их тоже. Он продолжал идти на юг, но никогда не встречал свирепых зверей — медведей и тигров, и ему казалось, что небеса все-таки были на его стороне.

После нескольких дней ходьбы ноги Дуань Лина уже покрылись порезами. Когда они налились кровью и волдырями, он обмотал их древесной корой, а когда у него не было еды, он рылся в птичьих гнездах в поисках яиц, собирал фрукты, ел цветы, ловил живую рыбу и ел ее — ел все, что можно было съесть.

Покинув восточную часть гор Сянбэй, Дуань Лин понял, что выжил.

Вдалеке виднелась крошечная деревушка. Дуань Лин спрятался за фермерским домом и дождался ночи, чтобы зайти внутрь и выкрасть одежду. Он надел ее и взял пару сапог, затем зачерпнул из курятника два яйца, разбил их и проглотил, а потом взял с очага пару горячих булочек. Прижимая их к животу, он продолжил путь.

Когда он переоделся, его рука провела по груди, и только тогда он вспомнил, что потерял нефритовую дугу.

Неважно. По сравнению с тем, что я жив, отец точно не будет ругать меня за то, что я потерял ее.

Где это место? Дуань Лин инстинктивно шел на юг по направлению, которое указывала ему Большая Медведица, и прятался, когда слышал людей, робкий, как испуганная птица, встревоженная свистом натянутой струны. Он шел по наезженным тропам, которые часто использовались, зная, что вдоль проторенной дороги обязательно будут деревни. Как он и ожидал, по пути он прошел через несколько поселений, и, судя по одежде, развешанной для просушки у домов, они, должно быть, были сянбэйскими.

Каждый раз, когда он добирался до деревни, он крал какую-нибудь мелочь. Он думал о том, когда сможет безопасно выйти на дорогу, которая приведет его обратно на юг. Ночью, когда над головой было бескрайнее небо, усеянное звездами, он лежал под деревом и снова и снова прокручивал в голове эти мысли: размышлял, не выхватил ли Ли Цзяньхун меч и не покончил ли с собой, когда не смог его найти, и как его подчиненные, должно быть, помешали ему это сделать.

И он думал о том, как Ли Цзяньхун будет плакать от радости, когда увидит его живым, как они будут рыдать друг у друга на плечах...

Когда Дуань Лин задумался над этими вещами, ему стало смешно, и он начал смеяться, а потом, когда он засмеялся, у него в горле застрял всхлип, и он стал плакать, свернувшись калачиком под деревом.

На этот раз, если он сможет вернуться целым и невредимым, они больше никогда не расстанутся.

На щеках Дуань Лина высохли слезы, и тут в дремоте на него что-то набросилось. Он тут же вскрикнул — на него накинулась собака!

В панике Дуань Лин схватился за нож, чтобы отбить ее, но тут услышал голос и решил прекратить борьбу. Этот человек говорил на сяньбэйском языке, и, держа в руках фонарь, он светил ему в лицо.

Мимо проходил фермер. Он задал Дуань Лину несколько вопросов, и тот крепче сжал кинжал, чтобы, если крестьянин сделает хоть одно неверное движение, броситься на него и забрать его жизнь. К счастью, когда тот понял, что Дуань Лин — ханец, он не проявил особых подозрений и лишь указал ему, что тот должен сесть в его телегу. Он повесил лампу на повозку и продолжил свой путь.

Дуань Лин лег на охапку сена в повозке. Дни бега истощили все его силы, и, свернувшись на куче калачиком, он погрузился в глубокую дремоту. Он не знал, сколько пути они преодолели, но на рассвете почувствовал, как его обхватывает теплое тело.

Собачий язык лизал его лицо. Дуань Лин тут же проснулся и потянулся за кинжалом, но большой пес благоразумно взял кинжал в пасть и принес ему. Не найдя слов, Дуань Лин неловко погладил собаку по голове.

В этот прохладный и сухой осенний день фермер сидел на обочине дороги и беседовал с кем-то, а в конце дороги его ждала шумная деревня.

Дуань Лин слез с телеги и поклонился ему, чтобы поблагодарить. Фермер крикнул «ай, ай», чтобы он не уходил, и протянул ему полотняный мешочек с несколькими лепешками внутри.

Пока он шел, Дуань Лин поглощал все лепешки, а когда ему хотелось пить, он пил из горного ручья. Становилось все холоднее и холоднее, и в яркий солнечный день Дуань Лин разделся догола, пока еще было достаточно тепло, чтобы искупаться в ручье. Когда он наклонился, чтобы вытереть лицо и вымыть волосы, его обнаженное тело отразилось в воде. Он больше не был похож на ребенка. В воде он увидел фигуру красивого молодого человека.

Я вырос, — подумал про себя Дуань Лин.

В следующем году ему исполнится пятнадцать. Он стал намного выше, а его руки толще и

массивнее, чем раньше. От частого использования лука его плечи стали шире, а на груди виднелись неясные силуэты мышц. Здоровое тело молодого человека в воде казалось ему нереальным.

Он постирал одежду, высушил ее на солнце, надел и перекинул полотняный мешок через плечо. Посвистывая, он продолжил свой путь.

Когда последний желтый лист покинул ветку, наступила зима, и Дуань Лин тоже ступил на дорогу, ведущую в Юйбигуань.

Окрестности Юйбигуань были заполнены беженцами с юга. Он влился в толпу и слушал, как все говорили на киданьском, сяньбэйском, ханьском и тангутском языках, с их смешивающимися акцентами со всех уголков континента. Они ехали с семьей или потеряли своих жен и детей, а у некоторых не было ни души, чтобы составить компанию, кроме их собственных теней. Кто-то плакал, кто-то ворчал, и все они двигались на юг со скоростью улитки.

Он смотрел со своего места в толпе и видел, что здесь было очень много людей — тридцать, сорок тысяч, они текли вместе, как огромное русло. Он даже не мог сказать, где оно заканчивалось.

Люди, управляющие Юйбигуань, не хотели открывать ворота, поэтому беженцам оставалось только пытаться перебраться через гору Цзянцзюнь. Кого-то застреливали монголы, кто-то падал с горных обрывов и погибал страшной смертью, а по всему пути лежали трупы с разодранными вещами и одеждой. За время своего путешествия Дуань Лин уже привык к виду смерти, но все равно не мог удержаться от слез, когда видел их.

К счастью, Юйбигуань наконец открылась до прихода первого снега, и беженцы с благодарностью устремились на центральную равнину. Оказавшись на развилке дорог, Дуань Лин на мгновение потерялся в догадках, в какую сторону ему идти.

— Простите, — спросил он, — в какой стороне находится Сычуань?

— Сычуань? — ответил кто-то. — Это очень далеко...

Не успел он договорить, как толпа позади начала пинать их, заставляя двигаться быстрее, и толкучка отделила Дуань Лина от того, с кем он разговаривал. Тогда он снова спросил, как ему добраться до Сычуани, а кто-то другой спросил его:

— Зачем ты идешь в Сычуань?

— Чтобы найти отца! — крикнул Дуань Лин, обращаясь к человеку, стоящему в пяти шагах от него, между ними стоял безответный мужчина.

— Называется «Сычуань», западные равнины, так что тебе, естественно, придется идти на запад! — ответил он.

Тогда Дуань Лин ступил на другую тропу. Но шаги человека никогда не были быстрее льда и снега, и с каждым шагом становилось все холоднее и холоднее. В страну к югу от Великой стены пришла зима.

С тех пор как он покинул горы Сянбэй, его одежда висела на нем лохмотьями, и он был похож на нищего. Когда ему удавалось украсть по дороге какую-нибудь одежду, он просто накидывал ее на себя. Его волосы превратились в настоящее птичье гнездо, а ноги были покрыты кровавыми мозолями.

Когда я доберусь до Сычуани, отец меня, наверное, уже и не узнает, — внутренне смеялся над собой Дуань Лин.

Несколько раз он видел, как мимо него проходили солдаты Южной Чэнь, и всякий раз у него возникал внезапный порыв встать у них на пути и сказать «я ваш наследный принц, немедленно отведите меня в Сычуань».

Но это была не более чем мимолетная мысль. Даже в своих фантазиях он знал, что они лишь сочтут его сумасшедшим. У Дуань Лина не было другого выхода, кроме как идти вперед — пока он не доберется до городских стен Лояна, когда он действительно не сможет больше идти.

Если он будет идти так и дальше, то в конце концов просто замерзнет на дороге.

Весь север был охвачен зимними муками, и Дуань Лину ничего не оставалось, как войти в Лоян, чтобы спастись от холода.

Первый снегопад пришел без всякого предупреждения. Снег мягко падал, покрывая землю, и за ночь город украсился кристаллическим льдом, сверкающим на солнце. В руинах старых храмов и на каждом углу улиц были беженцы, вынужденные покинуть родные места из-за войны. К счастью, Дуань Лину удалось пробраться в старый, полуразрушенный храм и устроиться у стены со сквозняком, чтобы сохранить себе жизнь.

Былые и привычные чувства вновь обрушились на него: голод, холод, боль; те воспоминания, которые больше всего запали ему в душу в детстве, неустанно пожирали его сердце. Голод грыз его, как хищный волк, сжимая внутренности, холод ласкал тело, которое было покрыто лишь одним слоем грубого полотна, а боль пронзала каждый цунь плоти, словно бесчисленные иглы. Одна мука за другой заставляла все его тело биться в спазмах.

Дуань Лин крепко обнимал себя, свернувшись в клубок. Сквозь маленькое отверстие в стене он видел теплый свет ламп, льющийся из города, и его била дрожь, а снег продолжал падать. Он стелился на все, покрывая и живых и мертвых, на тысячи ли и веков.

Позади него старая статуя Будды в храме, с облупившимся от возраста лаком, сидела с одной рукой в карана-мудре* и с добрым выражением на лице смотрела на скорбящие, озябшие души перед ней.

* Жест, часто встречающийся на изображениях Будды: один палец направлен вверх, а два лежат на ладони.

За одну ночь в Лояне замерзли насмерть более тысячи четырехсот человек.

На следующий день, когда Дуань Лин, шатаясь, вышел из храма, почти половина тех, кто сделал это место своим временным пристанищем, уже перестали дышать.

Он должен был найти на рынке хоть какое-то пропитание, иначе через ночь он тоже умрет здесь. На базаре появлялись и исчезали люди, и все они были укутаны в шубы. Дуань Лин стоял на снегу и умоляюще смотрел на всех, кто его рассматривал, — ему было так холодно, что он даже не мог говорить.

— Продаешь себя? — спросил его кто-то.

— Нет, — ответил Дуань Лин, дрожа.

Эти местные грубияны просто забавлялись с ним. Они похлопывали его по рту, чтобы он открыл его, проверяли, целы ли его зубы и ровны ли они, и просили его сделать несколько шагов. Как только Дуань Лин делал первый шаг, они бежали покупать сверчков.

Он размышлял, не заложить ли ему кинжал, или, может быть, взять его и приставить его к чьей-нибудь спине, чтобы вымогать деньги. Даже если он просто возьмет немного денег в уличном ларьке и убежит, этого может оказаться достаточно, чтобы спасти его от нынешней тяжелой ситуации. В конце концов, каждый клочок земли в этой империи и каждый медяк принадлежали ему по праву — но в конечном счете он ничего этого не сделал.

«Я не крал деньги! Я не крал деньги госпожи!»

Эти слова прокручивались в его голове до тех пор, пока не наступили сумерки и из ниоткуда раздался шум. Кто-то крикнул:

— Идите греться у огня!

Рыночные прилавки закрылись, и Дуань Лин побежал вместе с толпой. В переулке горел дом, а снаружи собралось множество людей, греющихся у пламени. Дуань Лин услышал, как где-то

там плакал ребенок, и, поспешно схватив горсть снега, запихнул его в полотняный мешок, накрыл им лицо и бросился внутрь.

— Чей это ребенок?! — с тревогой спросил Дуань Лин.

Никто ему не ответил. Дуань Лин расспрашивал всех, и никто не хотел брать его.

Он спас из огня младенца, но никто не хотел его брать. Как же так? Как такое могло быть? Пришла стража, но ничего не могла сделать, только стояла и смотрела, как он горел. Дуань Лину ничего не осталось, как прижать к себе ребенка и с оцепеневшим выражением лица усесться у дверей аптеки.

Папа, мне так холодно. Я сейчас умру...

Дуань Лин сидел, не обращая внимания на эти мысли, проносящиеся в его голове. Плач младенца на его руках затих до хныканья. Он гадал, устал ли ребенок плакать или умер, и сделал несколько легких похлопываний. Словно почувствовав хоть какое-то подобие надежды, младенец снова попытался заплакать, причем так громко, как только мог.

Дверь аптеки открылась.

— Айо, что это? — произнес хозяин аптеки. — Входите.

Дуань Лин вполз внутрь, дрожа. В тот же миг он снова выжил и провел ночь, свернувшись калачиком рядом с печью для приготовления лекарств. Служащий аптеки бросил работу и ушел домой, а хозяин лавки теперь заполнял рецепты, заготавливая лекарственные ингредиенты, готовил мазь и делал припарки сам, планируя раздать их обеспеченным семьям города для лечения всевозможных болезней, от которых страдают богачи. Дуань Лин был так голоден, что у него начало тускнеть в глазах. Посреди ночи лавочник принес два таэля вина и, налив себе, в одиночку выпил. Он бросил Дуань Лину пару лепешек, и тот разорвал их на крошки, чтобы накормить ребенка.

— Откуда ты его украл?

Лавочник косо посмотрел на него.

— Я спас его из огня.

— Бедняжка. Тогда отдай его мне. Я как раз думал о том, чтобы усыновить одного.

Даже у такого взрослого человека, как Дуань Лин, не нашлось покупателей: маленький ребенок, сумевший выжить в таком мире, как этот, был большой редкостью, поэтому лавочник

и его жена, у которых не было своих детей, усыновили его. Что касалось Дуань Лина, то он устроился на полу под аптекарскими шкафами, временно выполняя обязанности продавца.

Большинство других беженцев, прибывших в город, не имели особых навыков, и, чтобы прокормиться, они могли только воровать, но Дуань Лин был очень умел. Он мог распознавать ингредиенты и даже писать: когда он копировал рецепты, его почерк был изящнее, чем все, что они когда-либо видели, и он никогда не ошибался при выдаче лекарств. Хозяин магазина опасался, что власти могут допросить его за то, что он приютил беженца, поэтому он позволил Дуань Лину спрятаться в тускло освещенной комнате, заполненной лекарственными ингредиентами. Дуань Лин измельчал лекарства, очищал их, распределял, а хозяин лавки давал ему еду. Изредка заходила жена лавочника с ребенком и давала ему немного денег.

Лавочник был вполне доволен Дуань Лином и решил позволить ему остаться. В итоге эта остановка затянулась на три месяца.

Дуань Лин наконец-то пережил самые холодные месяцы зимы. Он подобрал несколько выброшенных шуб, которые больше не были нужны хозяину магазина, и теперь ему было тепло, а они ему ничего не стоили. Это радовало. Ему даже удалось скопить немного денег на проезд, чтобы наконец отправиться в Сычуань.

Он расспросил окружающих, чтобы выяснить, как туда добраться, и оказалось, что дорога до Сычуани займет еще две недели. Без документов он, скорее всего, не сможет попасть в столицу, но кого это волнует? Обо всем этом он будет беспокоиться, когда доберется туда. Когда он достигнет городских стен, вряд ли он не найдет способа проникнуть внутрь. Когда снег начал таять, Дуань Лин собрал все свои вещи, навестил голодного ребенка, чтобы в последний раз погладить его по голове, а затем развернулся и закрыл за собой дверь аптеки. Оставив прощальное письмо, он перекинул свой сверток через плечо и ступил на дорогу домой.

Весна наступила постепенно. Город Лоян казался очередной страницей в его путешествии, не оставляющей особых следов. Дуань Лин шел по императорским дорогам и через полмесяца прибыл в Цзянчжоу.

Значит, это и есть тот самый Цзянчжоу, о котором мне рассказывал отец, подумал про себя Дуань Лин.

Он был таким же процветающим, как и описывал Ли Цзяньхун, но в нем не цвели персики. Наверное, время года еще не пришло.

Дуань Лин расспросил местных жителей, но не мог понять цзянчжоуский диалект. Кто-то согласился отвезти его в Сычуань, но его просто пытались обмануть. Сам не зная как, он выманил у них деньги. В конце концов он сел на лодку за пределами Цзянчжоу на паромной переправе, заплатил сто двадцать медяков за проезд и спал на палубе вместе с лодочниками, пока они плыли вверх по реке в сторону Сычуани. Как только он оказался на юге, воздух стал теплее; под ярким, прекрасным солнечным светом Дуань Лин сидел на дальнем конце палубы и ни с кем не разговаривал.

На обоих берегах горы темнели на фоне неба, словно чернила, и он вспоминал вечер, когда Лан Цзюнься увез его из Шанцзы.

Он прибыл в Сычуань.

Гора Вэньчжун, река Фэн, город Сычуань — все это места, о которых ему рассказывал Ли Цзяньхун.

Чувствуя одновременно и привычную, и незнакомую атмосферу, он стоял на дороге, а теплый ветерок ласкал его щеки. По обеим сторонам раскинулись зеленеющие поля, на которых уже началась весенняя посевная.

С того дня, как он сбежал из Шанцзина, прошло уже полгода.

С коротким кинжалом на поясе и небольшим мешочком для лекарств на ремне Дуань Лин был похож на странствующего мечника из глуши, а его одежда была свернута в узелок, который он нес на плече. От некачественного сна и пропитания он сильно похудел, а его кожа за время путешествия загорела от солнца.

За городом он задержался надолго. Увидев солдат, проверяющих документы у выезжающих и въезжающих в город, он не решался подойти, чтобы его не арестовали и не бросили в тюрьму.

Ему остался всего один шаг до входа в город, но всякий раз, когда человек доходит до последнего шага, он должен быть несравненно осторожнее и осмотрительнее. Дуань Лин прокручивал в голове сцену их встречи бесчисленное количество раз, но постоянно держал наставления Ли Цзяньхуна близко к сердцу — сейчас, когда приближался момент успеха, он должен был быть осторожен как никогда.

В худшем случае его могут арестовать, как только он войдет в город. Если Му Куанда все еще полностью контролирует императорский двор, то может даже не рассказать Ли Цзяньхуну и просто бросить его в тюрьму, поэтому он не должен вот так просто входить в город.

Дуань Лин долго наблюдал за городскими воротами; он видел, что там было много движения, но охрана была не такой уж и строгой. Он прождал три полных ночи, пока однажды поздно вечером стражники ворот не напились до одурения, а затем перескочил через несколько ступенек и запрыгнул на маленькую дверку в башне городских ворот.

Но куда ему теперь было податься? Ночью в городе Сычуань было тихо и спокойно, и когда мимо проезжали ночные патрули, Дуань Лин прятался в глубине переулка и настороженно выглядывал наружу.

Где же дворец? Дуань Лин знал, что так продолжаться не может — неужели ему придется тайком перелезть через все стены, пока он не доберется до зала императорского дворца?

Нужно было найти кого-нибудь подходящего, чтобы передать весточку, но что за «весточку» он должен попросить его принести?

Нефритовая дуга исчезла, и единственное, что он мог передать в качестве опознавательного знака, — это свой нож. Ли Цзяньхун уже видел его раньше. Должен ли он солгать и сказать, что он посыльный? Может ли он принести кинжал отцу и дать ему посмотреть на него? В тот день он бросил на него лишь один взгляд. Запомнил ли он его? Скорее всего, запомнил.

Дуань Лин так нервничал, что всю ночь не смыкал глаз. К рассвету он невероятно устал, но голова его была ясна как никогда.

Весной рынок Сычуани был настоящим ульем. Дуань Лин так давно не ел, что у него кружилась голова от голода, и когда он незаметно выскользнул из переулка и увидел, что кто-то разглядывал его с ног до головы, он ускорил шаг и заказал огромную миску вонтонов с луком шисо, а затем решил пойти попытать счастья перед дворцом.

Если ничего не выйдет, он поступит так же, как в Лояне: найдет работу, чтобы иметь возможность укрыться в Сычуани. После этого он сможет не торопясь что-нибудь придумать.

— Отойдите, отойдите...

Кто-то шел расчищать дорогу. По улице ехал паланкин Му Куанды. Простолюдины, казалось, привыкли к нему, но Дуань Лин стоял и смотрел на него издалека. Значит, Му Куанда действительно еще жив.

Во второй половине дня Дуань Лин вышел из дворца с единственным знаком отличия в кармане — костяным ножом, который ему подарил Бату.

— Извините, — произнес Дуань Лин.

Стражник на улице рассмотрел его, но ничего не сказал.

— Его Величество во дворце? — снова спросил Дуань Лин.

Он не мог добиться от них никакого ответа. Похоже, стражники уже привыкли к этому. Дуань Лин в поиске засунул руку в лацкан, и охранник тут же насторожился, осматривая его.

— Уходи!

Оба стражника достали свои сабли.

Дуань Лин сделал сразу несколько шагов назад.

— У меня есть кое-что, что я должен представить Его Величеству!

— В чем дело?

Изнутри вышел еще один человек, и двое стражников внимательно следили за ним. Этот человек, очевидно, был каким-то капитаном.

— Как тебя зовут?

— Дуань, — ответил Дуань Лин и протянул кинжал двумя руками.

— Вещь для ее законного владельца. Пожалуйста, верните это Его Величеству.

Капитан в недоумении посмотрел на него.

— Откуда ты? Где твои документы?

— Я из гор Сянбэй, не местный.

— Где ты живешь? Оставь свой адрес и жди там.

— Я буду ждать прямо здесь, — ответил Дуань Лин; в конце концов, ему негде было остановиться.

— Его Величества нет во дворце. Бесплезно даже ждать.

Сердце Дуань Лина перевернулось. Он подумал: «О, нет, отца здесь нет?!». Дуань Лин хотел спросить, куда он пропал, но предположил, что ответа не получит. А что, если капитан передаст вещь кому-то другому? Он помнил, как Ли Цзяньхун говорил ему, что у него еще был четвертый дядя... Скорее всего, он не попадет в руки канцлера. Возможно, Му Куанда тоже не знает, что означает этот кинжал.

— Когда он вернется? — спросил Дуань Лин.

— Не знаю, — ответил капитан.

Дуань Лин отошел за ящик в конце улицы и посмотрел на заднюю дверь дворца.

Солнце медленно начало садиться.

Когда Дуань Лин устал стоять, он перенес вес на другую ногу и оперся на ящик, выглядывая наружу. Каждый человек, выходящий из дворца, будь то евнух, стражник или дворцовая служанка, все они давали ему хоть какую-то надежду. Однако все они, похоже, спешили и не задерживались. Уже было поздно, и скоро ему придется искать место для ночлега. Когда он шел этим путем, то проходил мимо моста через реку Фэн; похоже, там можно было переночевать.

Куда же делся его отец? Дуань Лин снова и снова прокручивал в голове этот вопрос. Он заметил, что во дворце уже зажгли свет, и сумерки сменились темнотой. Он решил пока уйти и вернуться завтра.

Вышел кто-то еще. В этот миг Дуань Лин был потрясен до глубины души, да так, что на долгий миг его ноги перестали двигаться.

— Где он? — раздался голос Лан Цзюнься.

Он был одет в роскошную одежду, и его с трудом можно было узнать в том человеке, которого Дуань Лин помнил. В тот день, когда они мельком виделись в Калине, Лан Цзюнься выглядел как утопленник после дождя, но даже тогда Дуань Лина одолевало желание подбежать и обнять его.

Теперь же, когда он снова увидел его, Лан Цзюнься был одет в бордово-черную одежду мечника, подчеркивающую его широкие плечи и тонкую талию, отчего он казался выше. На нем были черные сапоги, а на голове черная шляпа с красным шнурком, свисающим с ее края. Его губы казались мягкими, а брови темными; Цинфэнцзянь с тремя чи металла в ножнах у пояса так же хорошо сочетался с ним, как и безупречная нефритовая подвеска.

Дуань Лин впервые увидел Лан Цзюнься в таком наряде. Очевидно, он получил чиновническое звание при дворе. Дуань Лин никогда не испытывал такого страха: вспомнив, что произошло в Калине, он затаился за ящиками, и на мгновение ему стало не хватать смелости сделать шаг вперед.

Когда он бежал из Шанцзина, то много раз думал о том, почему Лан Цзюнься хотел увезти его в тот день, почему он ничего не сказал, и был ли предатель, о котором говорил Елюй Даши, именно им... Но он упрямо верил, что Лан Цзюнься никак не мог предать его. И у него не было объяснений, почему, кроме взгляда Лан Цзюнься в Калине в тот день.

— Дуань Лин? — раздался голос Лан Цзюнься.

Он повернулся лицом к тому месту, где прятался Дуань Лин.

Сердце Дуань Лина бешено билось в груди, он наблюдал за тем, как Лан Цзюнься оглядывается по сторонам, а затем снова обращается к сторожу. Стражник выглядел озадаченным, но в его ответе чувствовалось почтение.

На запястье Лан Цзюнься появилась нитка буддийских молитвенных бус, которой раньше не было, а на поясе висел кулон из яшмы. Даже ремень был заменен на пояс с пуговицами из полированного золота. На его одежде были вышиты изображения облаков и тигров, которые тускло мерцали, когда их под определенным углом освещало солнце.

Он был так хорош собой, подумал Дуань Лин. Лан Цзюнься всегда одевался в синее с ног до головы, и он почти никогда не видел его в форме императорского телохранителя.

— Дуань Лин! — словно почувствовав его присутствие, тревожно произнес Лан Цзюнься. — Выходи! Я знаю, что это ты! Поверь мне!

Дуань Лин почувствовал себя крайне неловко, но все равно поднялся на ноги. Лан Цзюнься непроизвольно обернулся, и их взгляды мгновенно встретились.

Краешки глаз Дуань Лина сразу же стали красными. Лан Цзюнься сделал шаг вперед, и он подсознательно отступил на шаг; Лан Цзюнься подбежал к нему, схватил за руку и крепко притянул к себе.

— Лан Цзюнься... — всхлип застрял в горле Дуань Лина.

Лан Цзюнься закрыл глаза и тяжело выдохнул, словно потратив все свои жизненные силы. Дуань Лин потянулся, обхватывая его спину, и вдруг вспомнил тот день, когда выпал сильный снег, а Лан Цзюнься был ранен. Когда он вернулся, чтобы забрать Дуань Лина, он тоже был таким — всем своим весом давил на него, словно его полностью одолевали усталость и изнеможение.

□Конец первой книги: Переход через Серебряную реку□

<http://bllate.org/book/15657/1400644>